

С того дня напряжение между Се Хуайде и Сюй Чжися стало почти осязаемым. Враждебность Се Хуайде перестала быть просто показным раздражением — теперь в ней сквозила настороженность человека, чью тайну подсмотрели.

Он больше не делал вид, будто Сюй Чжися не существует. Напротив, он постоянно следил за каждым его движением, одаривая его колючим, изучающим взглядом.

Сюй Чжися же оставался прежним: молчаливый и исполнительный, он вел себя так, будто всё вокруг его не касалось.

Он словно не замечал почти физически ощутимой неприязни Се Хуайде. Как и прежде, он читал книги и делал записи. Даже после того случая с бумажной бабочкой он ни разу не прокомментировал ни одного действия Се Хуайде, включая те пестрые бумажные фигурки, что скапливались на краю его парты в огромном количестве.

Это абсолютное, почти программное равнодушие выводило Се Хуайде из себя больше, чем любой ответ. Словно все его нападки вязли в бездонной груди ваты, не вызывая даже эха.

В среду днем был урок физкультуры. После разминочного бега учитель объявил свободное время, и большинство парней устремились к баскетбольной площадке.

Се Хуайде не интересовали общие игры. Он отошел к краю площадки, где стояли турники, попробовал подтянуться, но быстро потерял к этому интерес. Прислонившись к холодной железной стойке, он наблюдал за фигурами, бегающими вдали.

Сюй Чжися, как и ожидалось, был там. Он снял школьную куртку, оставшись в простой серой футболке. Его движения были всё так же точны и легки: пасы, рывки, броски — всё это выглядело сдержанно и безупречно. Рядом с ним шумно и энергично носился Ци Юй, на фоне которого Сюй Чжися казался еще более тихим, но при этом приковывал к себе куда больше внимания.

Несколько девушек на трибунах неотрывно следили за Сюй Чжися, о чем-то шептались и время от времени тихо хихикали.

Се Хуайде отвел взгляд. Он достал из кармана лист синей бумаги, прислонился к турнику и принялся ловко складывать его пальцами. Солнце слепило глаза, он слегка прищурился, стараясь сосредоточиться на кончиках пальцев, словно пытаясь запрячь свое беспричинное раздражение глубоко внутрь бумажной фигурки.

Постепенно проступили очертания бабочки.

В этот момент его обдало ветром с запахом пота, и раздался чей-то насмешливый свист.

— О, гляньте-ка, кто тут у нас? Тот самый паренек из нашего класса... как его там? Се, кажется? Что, решили поиграть в оригами?

Се Хуайде замер и поднял голову.

Перед ним стояли трое парней не из их класса. В баскетбольной форме, распаренные, они смотрели на него с недобрым любопытством. Тот, что стоял во главе — высокий, смуглый — разглядывал недоделанную бабочку в его руках с таким видом, словно увидел диковинку.

Се Хуайде узнал его: Ван Хао из 5-го класса, известный задира и любитель неприятностей.

— Тебе-то что? — Се Хуайде холодно взглянул на него, не скрывая раздражения.

Ван Хао опешил от такой дерзости, а затем усмехнулся:

— А характер-то какой. Слышал, ты в своем классе ведешь себя круто? Что, только одноклассников задирать горазд, а как вышел — струсил и спрятался здесь играть в девчачьи штучки?

Его спутники за спиной расхохотались.

Се Хуайде стиснул пальцы, сминая бумажную бабочку, и выпрямился. Он был одного роста с Ван Хао, но внезапно вспыхнувшая в нем ярость заставила воздух вокруг стать тяжелее на несколько градусов.

— Повтори, что сказал? — он смотрел прямо на Ван Хао, голос звучал тихо, но в этой тишине таилась опасность.

Ван Хао на мгновение оробел перед его ледяным взглядом, но, не желая терять лицо, усмехнулся:

— Я сказал: ты ведешь себя как девчонка, играя в эти бумажки! Что, не так?

Не успел Ван Хао договорить, как Се Хуайде резко смял бумажную бабочку в комок и, сжав кулак, молниеносным движением схватил Ван Хао за воротник баскетбольной майки и рванул на себя.

— Да ты, мать твою, напрашиваешься!

Ван Хао не ожидал, что тот сразу перейдет к делу. Пошатнувшись от неожиданности, он пришел в ярость и попытался оттолкнуть Се Хуайде:

— Черт! Отвали!

Его дружки тут же двинулись вперед, окружая их. Ситуация накалилась до предела.

— Се Хуайде.

Спокойный, почти монотонный голос прозвучал как гром среди ясного неба.

Все замерли и обернулись.

Сюй Чжися подошел неизвестно когда и теперь стоял в нескольких шагах. Его волосы на лбу слегка повлажнели, на щеках играл легкий румянец после игры, но взгляд оставался ясным и холодным. Он смотрел на сцепившихся парней с полным безразличием на лице.

Увидев его, Ван Хао невольно сбавил обороты, хотя и не хотел признавать поражение:

— Сюй Чжися? Не твое дело, вали отсюда.

Сюй Чжися проигнорировал его. Его взгляд переместился на руку Се Хуайде, до сих пор вцепившуюся в воротник Ван Хао, а затем — на напряженный от гнева профиль Се Хуайде.

— Учитель смотрит в эту сторону, — сказал Сюй Чжися и указал на физрука, который сидел на матах в другом конце площадки и копался в телефоне. Тот действительно поглядывал в их сторону.

Наступило несколько секунд молчания.

Се Хуайде резко разжал пальцы и толкнул Ван Хао в грудь.

Тот отшатнулся, поправил деформированный воротник и зло скривился, но, бросив взгляд на учителя, решил не продолжать. Он одарил Се Хуайде яростным взглядом, с опаской покосился на безэмоционального Сюй Чжися и, напоследок бросив «еще увидимся», ушел вместе со своими друзьями.

Конфликт был исчерпан, но внутри Се Хуайде бушевало еще большее пламя. И не из-за того, что Сюй Чжися его выручил — это едва ли можно было назвать помощью — а из-за того, что он сам на миг замешкался, и из-за той чертовой способности Сюй Чжися выводить его из себя.

Он наклонился, поднял с земли измятый синий комок бумаги, сжал его в ладони и, не оглядываясь, зашагал в противоположную от Сюй Чжися сторону. Его спина была напряжена, а гнев еще не утих.

Сюй Чжися остался стоять на месте. Он проводил взглядом уходящего Се Хуайде, затем посмотрел на землю под турником, где остался крошечный синий клочок бумаги, который тот не успел подобрать. На его лице не дрогнул ни один мускул, лишь глаза на мгновение блеснули, после чего он развернулся и направился обратно к баскетбольной площадке.

Оставшуюся часть урока Се Хуайде просидел в тени на трибунах, излучая ауру, отпугивающую любого, кто осмелился бы к нему приблизиться. Как только прозвенел звонок, он первым покинул площадку.

На вечерних занятиях Се Хуайде неожиданно для самого себя не стал спать и не стал складывать бумагу. Перед ним лежал учебник физики, но взгляд его был устремлен в пустоту — он был погружен в свои мысли. В парте сиротливо лежал измятый синий комоч бумаги — точь-в-точь как его нынешнее состояние.

Сюй Чжися сидел рядом и отчетливо чувствовал, как тяжело и хаотично было у Се Хуайде на душе. Но он не произнес ни слова, ни о чем не спросил, продолжая заниматься своими делами, как обычно.

Лишь под самый конец занятий Сюй Чжися замешкался, собирая сумку. Когда Се Хуайде первым встал и ушел, он достал из пенала какую-то вещь и аккуратно положил ее на пустую поверхность парты Се Хуайде.

Это была бабочка, сложенная из белой бумаги для принтера. Простая техника, четкие линии, расправленные крылья — в ней чувствовалась та самая холодная, присущая лишь Сюй Чжися упорядоченность.

Она безмолвно замерла на парте Се Хуайде, под светом ламп напоминая немой вопрос из другого мира или, быть может, ответ.

<http://bllate.org/book/21841/2264361>